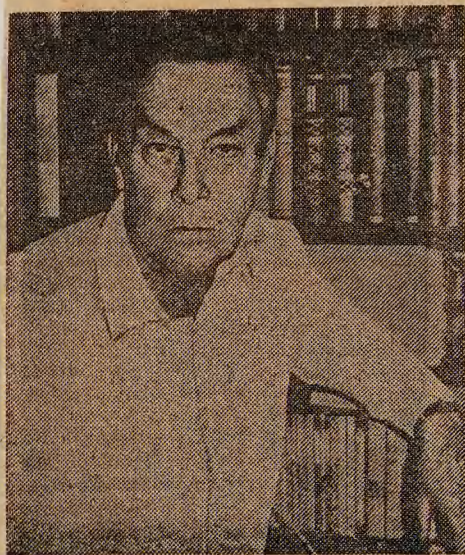

Тарковский Арс.

26/IV 82

Лит. Россия, 1982, 26 июня

«Слышнее всех разлук...»

Арсений ТАРКОВСКИЙ.

О ДНАЖДЫ мне попался на глаза черновик письма из записной книжки Марины Цветаевой. Привожу его полностью.

«Милый тов. Т. Ваша книга прелестна. Как жаль, что Вы (то есть автор) не прервал стихов. Кажется — на: у той душа поет — дыша. Да пос-то [?] ка-мьша... Я знаю, что так нельзя вам, переводчику, но К[неразборчиво] было можно — и должно. Во всяком случае на этом нужно было кончить (хотя бы продлив четверостишие). Это восточные — без острия, для них — все равноценно. Ваш перевод — прелесть. Что Вы можете сами? потому что за другого Вы можете — все. Найдите (помогите) слова у Вас будут. Скоро я Вас позову в гости — вечером послушать стихи (мои) из будущей книги. Поэтому дайте мне Ваш адрес, чтобы приглашение не блуждало или не лежало, как это письмо. Я бы очень просила Вас этого моего письма никому не показывать, я — человек уединенный, и пишу Вам — другие? (руки и глаза). И никому не говорить, что, вот, на днях усл. мои стихи — скоро у меня будет открытый вечер, тогда все придут. А сейчас я Вас зову по дружески. Всякая рукопись беззащитна. Я вся — рукопись».

По некоторым деталям я предположил, что речь идет о книге туркменского поэта, классика XIX века Кемине, а само письмо обращено к переводчику — этой книги Арсению Тарковскому, тогда еще мало известному собственными стихами. Я показал письмо Тарковскому, и Арсений Александрович подтвердил мою догадку.

Двух поэтов связывала недолгая, но большая дружба. Марина Цветаева вернулась на родину в 1939 году. Возможно, в другое время это возвращение имело бы гораздо больший общественный резонанс, но и тогда в Москве, где поселилась Цветаева, было немало ценителей ее поэзии. Среди них — и тридцатидвухлетний Арсений Тарковский. Как поэт он был мало известен, хотя стихи писал давно.

В 1924 году, приехав в Москву, Тарковский поступил на Высшие государственные литературные курсы, получал сти-

пендию из фонда молодых дарований имени Горького при Госиздате. Потом работал в газете, в том самом знаменитом «Гудке», где сотрудничали в то время Ильф и Петров, Олеша и Булгаков, Тарковский писал стихотворные фельетоны под псевдонимом Тарас Подкова, иногда — и судебные очерки. В 1926 году ездил в Ленинград, чтобы показать свои стихи Федору Сологубу. С конца 20-х годов началось сотрудничество молодого поэта с редакцией художественных и политических программ Радиовещания СССР. Главным образом Тарковский писал стихотворные драматические пьесы. Сотрудничество это неожиданно оборвалось из-за пьесы «Стекло». Поскольку среди действующих лиц пьесы был Голос Ломоносова, рапповская критика обвинила автора в мистицизме.

Тарковский занялся переводами, много и успешно переводил поэзию народов Средней Азии, Грузии и Армении. Как я уже говорил, знакомство с Цветаевой состоялось благодаря переведенной Тарковским книге Кемине. По его просьбе книгу эту передала Цветаевой переводчица Герасимова. Вскоре Цветаева пригласила Тарковского в гости на улицу Мархлевского.

Рассказывает А. А. ТАРКОВСКИЙ:

— Знаете, Цветаева называла поэтов мастерами жизни, настолько слитны, едины, по ее убеждению, были реальность мира и реальность поэзии... Пример самой Цветаевой доказывает, что это действительно так. Меня в равной степени поражали ее жизненная и поэтическая энергия. Мы были дружны с Мариной Ивановной не очень большое время, но почти каждая встреча с ней была для меня событием.

Мы часто бродили по Москве, о многом говорили, читали друг другу стихи. До войны я был отличным ходяком, поскольку почти всегда ходил пешком, но даже я еле поспевал за Цветаевой... Мне кажется, что, помимо поэтического дара, она обладала еще и тем даром, обладателем которого сейчас называют экстрасенсами или носителями какого-то особого энерге-

тического поля. Например, бывали случаи, когда кто-то в компании ей очень не нравился — этот человек начинал ежиться, чувствовал себя очень неудобно и в конце концов не выдерживал и уходил, хотя Цветаева не говорила ему ни слова, порой даже не смотрела в его сторону.

Помню еще один поразительный случай: одна из последних наших совместных с Цветаевой прогулок пришлось на ночь с 21 на 22 июня 1941 года. Где-то между 5 и 6 часами утра Марина Ивановна вдруг говорит: «Вот мы сейчас идем, а уже, наверно, началась война...»

Начавшаяся война прервала эту дружбу. Эвакуация занесла Цветаеву в Елабугу, Тарковского — в Чистополь, откуда он добровольцем в конце 1941 года ушел на фронт. Но еще до этого узнал он о смерти Цветаевой и тогда же, в ноябре, написал несколько стихотворений ее памяти, которые, наверное, правильнее называть не стихотворениями, а плачами:

Зову — не отзывается,
крепко спит Марина,
Елабуга, Елабуга,
кладбищенская елина,
Твоим бы именем назвать
гиблое болото,
Таким бы словом, как засовом,
запирать ворота.
Тобою бы, Елабуга,
детей страдать немилых,
Купцам бы да разбойникам
лежать в твоих могилах.
А на кого дохнула ты холодом лютым,
Кому была последним
земным приотом?
Чей слышала перед зарей
возглас лебединый?
Ты слышала последний голос Марины.
Теперь тебе, проклятая, —
что ж ты не плачешь? —
Светиться чистым золотом:
Марину прячьешь!

Марина ЦВЕТАЕВА.

Воевал Тарковский под Москвой, на Брянском и 1-м Прибалтийском фронтах, был награжден орденом Красной Звезды, медалями. В декабре 43-го — тяжелое ранение, долгие мытарства по госпиталям, демобилизация.

И в военные годы, и в послевоенные десятилетия все время в нем жила память о Цветаевой, прорываясь порой стихотворными строчками:

И что ни человек, то смерть, и что ни
Былинка, то в огонь и под каблук,
Но мне и в этом скрежете и стоне
Другая смерть слышнее всех разлук...

Удивительные вещи происходят иногда на свете! Спустя десятилетия после написания к Тарковскому попало стихотворное послание Цветаевой. Написано оно было в ответ на стихотворение Тарковского, которое он однажды прочитал Марине Ивановне:

Стол накрыт на шестерых —
Роза да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль...

Эпиграфом к своему ответному стихотворению Цветаева взяла строчку из стихотворения Тарковского, не совсем точно запомненную: «Я стол накрыл на шестерых...».

Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых...»
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером,
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...
...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и все же укоряю:
— Ты, стол накрывший

на шесть душ,
Меня не посадивший с краем.
6 марта 1941 г.

Это одно из самых последних стихотворений Марины Цветаевой. По признанию А. Тарковского, оно особенно близко и дорого ему.

А. ЛАВРИН